

О. А. Лавшук (Могилёв, Беларусь), Е. И. Сердюкова (Минск, Беларусь)

ДИАЛОГ В ПОЭТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДМИТРИЯ СТРОЦЕВА

В статье исследуется проблема диалога как универсального способа общения в поэзии современного русскоязычного поэта Беларуси Дмитрия Строчева; актуализируются понятия «диалог», «диалогические отношения», «обращенность» и «адресность». Для многих стихотворений автора характерна установка на «двойную» диалогическую игру. Поэтические тексты Строчева – посвящения, обращения по имени, упоминания предшественников и современников, наиболее значимыми из которых для поэта являются Хлебников, Заболоцкий, Блаженный, Шварц, Седакова.

Каждый текст диалогичен, на это не раз указывали М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман и многие другие уче-

ные. Тезис М. М. Бахтина о том, что «диалогические отношения... – почти универсальное явление, провизы-

вающее... все отношения и проявления человеческой жизни, вообще все, что имеет смысл и значение» [1, 71], кажется, никем не оспаривается, но вместе с тем задача его содержательного развертывания во многом остается актуальной и сегодня. Сложность и многомерность диалога дает неисчерпаемые возможности для его исследования. Так, М. М. Бахтин рассматривал «диалог» с позиции межсубъектных отношений (противоположные голоса в полифоническом романе). Ю. Кристева, Р. Барт подходит к исследованию этого вопроса с точки зрения межтекстового пространства, связывая диалогизм лирических произведений прежде всего с интертекстуальными отношениями.

Сегодня слова «диалог» и «коммуникация» используются в нашей повседневной жизни едва ли не как синонимы общения, беседы, разговора. С этим не приходится спорить, но для исследования диалога в поэзии важно различать диалог в широком, обыденном смысле слова и в узком, или точном, смысле. В первом случае диалог понимается как совместная речевая деятельность двух или более лиц, а также результат такой деятельности, т. е. широко распространенный способ общения, который можно квалифицировать как «обмен монологами». При этом, согласно Бахтину, отдельное высказывание трактуется как механическая реакция, а «диалог как цепь реакций». На противоположном полюсе — подлинный диалог, оказывающийся уникальной и неповторимой реализацией мыслительности. В противоположность монологу, где «мысль либо утверждается, либо отрицается» [1, 133], в мире диалога мысль живет вместе со своим носителем и вовсе не требует утверждения автором.

Коммуникативная функция диалога ориентирована на возбуждение мышления «здесь и теперь» по поводу высказываемых тезисов. Согласно классической сократической традиции (к которой апеллирует и Бахтин), мысли не привносятся в диалог извне, не находятся «в головах» участников, а порождаются в диалоге, являются продуктом не отдельно взятого ума, но результатом коммуникации, способствующей развитию коллективной мыслительности. Все начинается с того, что говорящий и слушающий находятся в разных ситуациях, в связи с чем от реципиента требуется специальная работа понимания, т. е. соотношения текста сообщения с этими ситуациями. В результате объединения процессов рефлексии и понимания рождаются смыслы, которые, как нам кажется, и составляют суть диалога поэта с читателем/слушателем.

Исследование вопроса диалогизма в лирическом наследии Дмитрия Строева весьма актуально, и связано это с мироощущением самого автора: «Дело в том, что поэзия, по-моему, — это прежде всего голос. Мы даже вещам, стихиям и абстрактным делегируем это человеческое качество: голос флейты, голос ветра, голос совести. Голос — это телесное продолжение человека, он продлевает его форму, а речь — это телесный мостик через бездну от человека к человеку» [2].

Читая стихи Дмитрия Строева, мы слышим обращения к другим поэтам, разговоры с птицами, кустами и деревьями, с близкими и знакомыми, о собой и с Богом. Сам поэт в одном из интервью отметил важность для него работы «Я и Ты» Маргана Бубера, которая сформулировала его отношение к поэзии как к обращению. Поэтическое — это есть обращение и обращенность. У Бубера выделяется «я-ты» и «я-оно». Слово «я-ты» — это диалогическая форма, а слово «я-оно» — это отношение к неодушевленному, отношение к тому,

что отторгается, к тому, что на самом деле или не существует, или от чего хочется отвернуться. Именно такое отношение к слову и творчеству оказывается очень важным: поэт не манипулирует какими-то образами, символами, а с ними общается.

Для многих строцевских стихотворений характерна установка на «двойную» диалогическую игру. С одной стороны, автор выстраивает диалог с адресатом, находящимся внутри текста, так называемый внутритекстовый диалог. С другой стороны, поэт обращается со своими лирическими произведениями к адресату, стоящему вне пространства стихотворения. Этот адресат — потенциальный собеседник — может быть конкретной личностью, неким сообществом или отвлеченным понятием. Подобную функцию в лирике Дмитрия Строева выполняют стихи-посвящения.

Диалог — это и понимание своего «Я» через общение с другими. Очевидный диалог с поэтом-современником и отсылка к предшественнику, значимому для обоих, — стихотворение Д. Строева «давай собирать слова и строить дом...» с посвящением Ольге Седяковой, которое, на наш взгляд, является квинтэссенцией диалога у Строева:

*давай собирать слова и строить дом
возьмем разговор ковер тарбарский
узорче речи
дикарский могучий глагол
зуд-голой имен, весь загачий
весь глаголич, птичий базар человеич*

*— >
власогласый орет букварь на цветущих корнях
вешница*

*кристалический цезаль к нему говорит, мигочей
миаходцы они, неботроги они, храмодеи
реченосцы они на голодных тетрадных полях
черно-белая книга шумит
черноплодная книга горит
блосервал книга говорит... [3, 50].*

Поэтику Д. Строева критики соотносят с традициями В. Хлебникова, К. Чуковского, Н. Заболоцкого, О. Мандельштама. Современный русскоязычный поэт Беларуси не скрывает диалогической природы своего творчества. Он не только посвящает свои стихи русским поэтам, предшественникам и современникам, но и в стихотворениях распыляет многочисленные маркеры: «Хлебников — наш учебник, / сбор трав лечебных. <...> / Мы к нему речу: Велимир! / А он молчит: Будьте людьми» [3, 63]; «Я ник. Я опрокинул сад. / Скользящее озеро со звоном. / Осколки нахнут Аронзонем / и рыбки медленно висят» [3, 64]; «знамо дело дело знамо / это осы Мандельштама» [3, 29]. «Дерева» — называлась одна из поэм раннего Заболоцкого, где они так же, как волки, птицы, кони и прочие живые существа, наделены даром речи. У Дмитрия Строева показателем в этом плане диалог «Дерево!». Автор апеллирует к дереву, наделяя его способностью не только говорить, но и чувствовать, сопереживать:

*Дерево! Ты любишь меня
таких, какой я есть?*

*Да, и ты можешь на краешек тня
на минутку присесть.*

Спасибо! А то я устал —

в ушибах и ирамах пешеходные ноги.

*Тогда обними мой корявый поваленый ствол,
и мы станем на время не так одиноки.*

Дерево! Ты — живая душа.

Я уверенно слышу подстудное сердце.

*Правда? Ты веришь? Войди же тогда, не дыша –
У меня на груди потайная дверца.
Дерево! Как у тебя хорошо.
А то я хожу в ожидании чуда...
Знай: ты во мне это чудо нашел,
И теперь никуда не вернуться отсюда
[3, 21].*

О том, кто и с кем ведет диалог в стихах Строчева, можно понять из многочисленных интервью, в которых поэт прозой проговаривает многие вещи, «зашифрованные в стихах»: «Я не целый человек, расколотый. Во мне, за приличным фасадом, сидит дикарь, но он-то как раз и талантлив. И с ним приходится считаться и искать общий язык. Дикарь – не фольклорист, а настоящий архаический тип, со всеми вытекающими ритмами и рифмами. И ему всё равно, всё годится, всё «фольклор» – народная ли, аристократическая традиция, бюджетянство, обэриу, концептуализм. Он, как божья, всё на себя готов напаять и превратить в словесное рубище» [4].

Лирический герой, человек, чьими глазами читателю предлагают видеть мир, всё время подчёркивает свою малость, несмышлёность, несерьёзность, убогость, но речью его оказываются на поверку очень откровенными, резкими, а иногда он даже отождествляет себя с демиургом. Поэт выступает, с одной стороны, как адепт-минималист, с другой – как концептуалист. Мир существует, но он еще не назван, о чем свидетельствуют стихотворения «1-я ступень демиурга», «2-я ступень демиурга»:

*рыбу рыбой назову
птицу птицей назову
зверя зверем назову
имярека имяреком назову
эволюцию эволюцией назову
интеллигенцию интеллигенцией назову* [5].

Поэтическое слово обладает магической властью, оно может переименовывать мир, подчиняя реальность воображению поэта. Так, в стихотворении «Моячание Адама» лирический герой жалуется Еве на усталость, поскольку вынужден встать за Богом – «котом неугомонным» – давать всем имена: «я нарекаю имена / всей этой твари / которой нет конца / это просто ад / пойми / я мечтаю / о своем творчестве / я хочу называть / свои изделия» [3, 67].

Поэт пользуется такой властью, потому что сама реальность состоит из слов, названий и имен, которые поэт им дает:

*я имя трамваю задумал трамвай
он будет задумал по рельсам ходить
по городу станет марширует совершает
потому что такое трамвай* [5].

По-видимому, не случайно у Строчева появился и образ трамвая, мифологическая семантика которого уже сформировалась за многие десятилетия в русской поэзии.

Миссия поэта, по мнению Д. Строчева, – «возвзывать голос за потерянного и гонимого, быть человеком рядом с другим человеком и в бездне горя, и в солнце радости» [6]. Поэтому он должен найти «виноградное слово»,

*чтобы все, что копилось в котле
отлегло, отошло, отпаялось
чтобы ты в первый день на земле
с виноградной улыбки проснулась
мне бы вымолвить, проговорить
начикрывать, напеть, накалять*

словно камень тяжелый открыт
и на первой странице запечатать [3, 42].

Сборник «Виноград» – сплошь лирика от первого лица: давай пойдём, давай собирать, люблю, мне, я, чем сумно, любимая, о Друге мой, мы, ты и т. д. (это первые звуки стихотворений). «Вместе с тем Строчев сложил книгу о поэзии, дал простор песне, архаике, голосам любимых поэтов – ушедших и современников. «Виноград» – открыт. Он – приглашение к братскому пиру, сердечной беседе», – отмечает А. Анпилов в предисловии к книге «Остров Це» [7]. Там же представлены весьма говорящая «Снижная полка», указывающая на приоритеты поэта: Чуковский, Пушкин, Хлебников, Хармс, Заболоцкий, Введенский, Мандельштам, Седякова, Шварц, Аронзон, Блаженный, Ким, Цой, Пригов, школьный фольклор, жестокий романс, Слово о полку, Евангелие [см. 7].

Обращение – одно из главных средств универсального характера, выработанных языком для обслуживания человеческого общения; это «называние» адресата, определение адресата. Обращение является обязательным компонентом диалога. Оно выполняет одну из самых основных функций, свойственных диалогу как явлению, – функцию адресованности. В стихах-обращениях Д. Строчева частыми и значимыми для поэта адресатами становятся Вениамин Блаженный и Елена Шварц. В интервью «Русскому журналу» Д. Строчев так определил их роль в русской поэзии и в своей жизни: «Имена Вениамина Айзенштадта и Елены Шварц наиболее яркие для русской поэзии второй половины XX века. Оба поэта по-разному рисковали, дерзнули посмотреть в глаза последним вещам, отдать голоса аффективному человеку... Мои поэтические приношения Айзенштадту и Шварц произошли следующим образом. С Вениамином Михайловичем мы обычно читали друг другу новые стихи. Два раза В. М. просил меня так: «Посвяти эти стихи мне». Два моих стихотворения несут имя поэта. Однажды мы обедали вдвоем с Еленой Андреевной у нее дома. Я стал рассказывать, что некоторые стихи танцую. Она попросила показать. Я встал из-за стола и станцевал «Ерусалим». Е. А. необыкновенно воодушевилась и затанцевала в ответ свой стих, стуча ребром ладони по краю стола. С тех пор «Ерусалим» живет с именем Елены Шварц» [6].

Обращенность – одно из свойств поэтического текста, оно служит средством перехода от одного речевого плана к другому, нередко выполняет композиционную функцию. Многие поэтические тексты Д. Строчева – посвящения, обращения по имени, упоминания друзей и возвания к ним, часто у текста есть не абстрактный, но лично знакомый, важный для поэта адресат. «Творческое действие может восприниматься как торжественная публичная мистерия, где все стоит шпотно, смотря в затылок и общаются локтями. А может – как общение монахов, которые встречаются в одном месте, но в разное время. Утром приходит один и оставляет для другого в нише – виноград, вечером приходит другой – берёт виноград и кладёт орехи. Весь смысл речи в обращении к другому, в обращённости – глаза в глаза... Стихи – тонкие тактильные обращения, которые могут быть только адресными», – замечает сам поэт [4].

Именно композиционная функция присуща обращению во многих стихах Строчева. Обращения выступают в качестве такого композиционного элемента, как зачин, начало текста. Адресат, которому направлен текст, впоследствии не упоминается, и текст приобре-

гает другую коммуникативную направленность – обращённость не к конкретному, определённом адресату, а к обобщённому читателю, т. е. ко всем.

Обращения выступают не только как зачины, но и как отправная точка рассуждения. Так, стихотворение «я все же буду говорить стихами...», посвященное Алексею Захаренкову, представляет собой рассуждение о миссии поэта, о смысле жизни и о вере: «и с Богом говоришь как с первым встречным / о том что люди – не люди как прежде / как прежде и бездумны и бездумны...» [3, 27]. И там же поэт как бы противоречит себе:

*и Бога нет на этом белом свете
и надо бы сказать ему при встрече
что Бога нет и Духа не и Сына
которому хотелось бы сказать* [3, 28].

Это бормотание («самозабвение, самозаговаривания, с этими бесконечными нагнетающими стихотворениями») – характерная строцевская манера, по мнению О. Дарка [3, 9]. «У строцевского героя есть только это летящее, внутреннее... И, значит, если есть только это внутреннее, а оно и есть Бог, то строцевский герой сливается, совпадает с объектами своей веры: с Богом, и Духом, и Сыном – в зависимости от течения сюжета. Отождествляется. От этого происходят такие необыкновенные превращения «я» в его стихах» [3, 10]. Особое место в творческом наследии Дмитрия Строцева занимает диалог с высшими силами, с Богом. Лирическое обращение автора ориентируется в данном случае на трансляцию сокровенного знания и носит исповедальный характер:

*Снилось мне: я верю в Бога.
Прежде верить не хотел,
думая: подожду немного,
много нерешённых дел <...>*

*снилось мне: я верю в Бога,
да не верит Он в меня... [3, 16].*

Подобная сакрально-диалогическая установка прослеживается в ряде других стихотворений поэта. Разговор с Богом – отдельная тема в поэтическом странстве Д. Строцева и предмет другого исследования.

Сложные взаимоотношения поэта со словом и многоликим временем укладываются в строки стихотворения «Отец и сын»:

*я книгу книгу на столе оставляю для тебя
я книгу книгу для тебя оставляю на сто лет
она не бомба пистолет не бомба пистолет
ты будешь будешь в ней читать слова слова слова
слова слова зажгут зажгут твои глаза глаза
и сердце сердце разожгут слова слова слова
и звери звери побегут в твои глаза глаза
и реки реки потекут в твои края края
они без края разольют твои моря моря
а в сердце в сердце запонот сады сады сады
ты только книгу не забудь и не забудь меня
и в сердце в сердце сохрани и книгу и меня* [3, 73].

В стихотворениях-посвящениях читается явная или скрытая адресность речи, «амст над бездной», соединяющий времена и людей. Это отражено и в названиях, и во внутренней структуре произведений. Частое обращение к другим поэтам указывает на чуждость автора к актуальным явлениям культуры. За именами друзей, учителей, собеседников встают их эстетические программы, литературные течения, духовные подвиги. Творческие поиски поэта направлены на постижение тайны возникновения мира, человека, Слова – в его священной функции осмысления и преобразования жизни.

Литература

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1972. – 470 с.
2. Строцев, Д. Советская власть лишила человека достоинства / Д. Строцев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://n-gore.ru/tables/2013/03/04/dmitrii_strotsev_sovetskaya_vlast_lishila_cheloveka_dostoinstva – Дата доступа: 11. 02. 2013.
3. Строцев, Д. Бутылки света. Книга стихотворений / Д. Строцев / Предисл. О. Дарка. – М.: Центр современной литературы, 2009. – 88 с.
4. Интервью с Д. Строцевым в журнале «Воздух» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.litkara.ru/projects/vozdukh/issues/2008-3/strocev-interview/>. – Дата доступа: 11. 04. 2010.
5. Строцев, Д. Остров Це / Д. Строцев // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://strotsev.ru/ostrov/04.html>. – Дата доступа: 11. 04. 2010.
6. Строцев, Д. Потрашенность не позволяет поэзии преступить человечность. Постскриптумы к Журнальному залу / Д. Строцев // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russ.ru/pole/potrashennost-ne-razvozyaet-poezii-prestupit-chelovechnost.html>. – Дата доступа: 18. 02. 2013.
7. Строцев, Д. Стихи / Д. Строцев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://strotsev.ru/ostrov/01.html>. – Дата доступа: 11. 04. 2010.